

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6232-3433; tatsad_90@mail.ru

СЛОВО «НАДЛЕЖИТ» В СОСТАВЕ ИМПЕРАТИВНОЙ ФОРМУЛЫ В ТЕКСТЕ «УСТАВА ВОИНСКАГО» 1716 ГОДА

А н н о т а ц и я . Обобщается научная информация об истории, внутренней мотивировке и сочетаемостных возможностях безличного глагола «надлежит» в русском языке вообще и деловых текстах XVIII века в частности. Отмечается, что коммуникативная стратегия устава как жанра предполагает активное использование устойчивых сочетаний с императивной семантикой, поэтому на материале «Устава воинского» 1716 года рассматривается формула «надлежит + инфинитив» как один из наиболее частотных способов выражения модального значения необходимости / обязательности в деловом военном тексте XVIII века. Книжный характер «надлежит», отмечаемый многими словарями русского языка, не имеет в тексте устава какой-либо стилистической маркированности, что обеспечивает его относительно свободную сочетаемость с другими глаголами-инфинитивами в рамках рассматриваемой формулы. В статье затрагиваются вопросы адаптации лексической кальки в условиях русского текста и прослеживается процесс накопления объема понятия, выражаемого калькой, под влиянием семантики исконных русских морфем (в нашем случае корня *-леж-* и приставки *над-*), ставших «строительным материалом» для ее создания в принимающем языке. Высказывается предположение о том, что безличный глагол «надлежит» со значением 'необходимо, должно' мог стать результатом естественного для русских приставочных глаголов переосмысления пространственного значения в значение качественной оценки действия. Допускается также мысль о «встречных» семантических процессах – адаптации кальки в русском деловом тексте и развитии у пространственных глаголов качественной семантики.

Ключевые слова: язык XVIII века, императивная формула, модальный глагол, лексическая калька, текст военного устава

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

Для цитирования: Садова Т. С. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595

ВВЕДЕНИЕ

Книжный характер безличного глагола «надлежит» отмечается многими словарями современного русского языка.

НАДЛЕЖАТЬ, *-жит*; (*неопр. не употр.*); *безл., несов., кому-чему, с неопр. Книжн.* Должно, нужно, следует. [*Иван Кузмич*] сказал мне: – Эх, *Петр Андреич!* надлежало бы мне посадить тебя под арест. Пушкин, Капитанская дочка. *Вольнонаемной команде надлежит утром получить в управлении порта расчет.* Л. Соболев, Топовый узел¹.

Возможно, именно по причине своей стилистической маркированности безличный глагол «надлежит» не входит в ядро лексических модификаторов, эксплицирующих значение необ-

ходимости / обязательности в современных деловых текстах. Последовательно отмечается, что он находится в так называемой «переходной зоне от центра к периферии микрополя необходимости в русских официально-деловых текстах» [4: 14].

В «Уставе воинском» 1716 года, напротив, императивные формулы с модальным модификатором «надлежит» употребляются весьма активно: они зафиксированы в 141 контексте, что в сравнении с формулами, включающими другие лексические экспликативы того же модального значения, – число довольно значительное. Так, очевидно ожидаемый в рассматриваемом значении модификатор «должен» встречается в 87 контекстах, «долженствует» – в 39 контекстах, «надобно» и «повинен» – в 7 и 6 соответственно.

О МНОГОАСПЕКТНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА

Столь активное использование безлично-го глагола «надлежит» в качестве экспликатора значения необходимости / обязательности привлекает внимание по нескольким причинам. Во-первых, совершенно ясно, что жанр военного устава (любого времени) требует использования формул с императивной семантикой, однако очевидно и то, что способы ее речевого выражения уже к XVIII веку были весьма разнообразны – как в грамматическом, так и лексико-стилистическом планах (см., напр.: [11], [19]). Следовательно, предпочтение «надлежит» на фоне других лексических модификаторов значения необходимости / обязательности должно иметь серьезные основания – и с точки зрения функционально-семантической, и сугубо прагматические. Во-вторых, безличный глагол «надлежит» имеет не отчетливо ясную историю семантических преобразований в связи с его исходной внутренней формой. Уже при начальном рассмотрении становится ясно, что она содержит идею *над-лежания* или *нависания* ('нахождения над чем-либо'), напрямую выраженную в значении личного глагола «надлежать», зафиксированном в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского:

Надълежати – лежать на чем, над чем, Юсть бо мала гора надълежащи надъ монастырьмъ тѣмъ. Нест. Жит. Феод. 23².

Значение же безличной формы того же глагола («надлежит») 'должно, нужно, следует' представляется не вполне логичным развитием внутренней формы исходного слова. Неслучайно в этой связи довольно категорично замечание В. В. Виноградова, высказанное им по этому поводу: «Едва ли допустимо генетически связывать с этим глаголом (надлежать. – Т. С.) глагол *надлежит* в значении 'следует, должно'» [5: 344–345]. О том же, но уже в связи с современным языком, говорит и М. А. Кронгауз:

«Для глагола “надлежать” едва ли можно говорить о связи с глаголом *лежать* на синхронном уровне, тем не менее приставка *над-* и соответствующий корень (с отличным от *леж-* значением) все же выделяются благодаря сравнению с глаголом *подлежать*» [9: 94].

Заметим также, что безличный «надлежит» В. В. Виноградов предположительно квалифицирует как кальку с немецкого, причем имеющую явный «отпечаток официально-книжного стиля»:

«Рождается предположение, не появляется ли *надлежит* в качестве калькированного слепка с латинского или немецкого слова. В Лексиконе Вейсмана (1731) это

слово уже отмечено и поставлено в связь с латинским *id tibi incumbit* и немецким *es liegt dir ob*» [5: 344–345].

Однако безличный «надлежит», правда, без инфинитива, встречается, по свидетельству В. И. Борковского, уже в деловом языке XVII века [3: 123]. О том же пишет и Л. В. Табаченко в докторской диссертации, посвященной истории приставочных глаголов русского языка:

«С конца XVII в. глагол *надлежать* употребляется в значении, сохранившемся в современном русском языке: в формах *надлежащий* – 'соответствующий, такой, какой нужно' и *надлежит, надлежало* – 'необходимо, следует'»³.

Примечательно и то, что в качестве иллюстраций использования этого слова В. И. Борковский приводит контексты из «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647), предвестника военных уставов XVIII века.

«Важно отметить существенное отличие этого памятника от рассматриваемого Устава 1716 года: его основу составил перевод с немецкого языка известного труда И. Я. фон Вальхаузена “Kriegskunst zu Fuss”» [7: 15].

Следовательно, предположение о калькированном характере безличного глагола «надлежить» с немецкого, в том числе через посредство польского языка, не лишено оснований [20: 21].

В-третьих, безличный глагол, отмечаемый в современных словарях русского языка как книжный⁴, в текстах XVIII века также имел некие стилистические ограничения в сравнении с другими лексическими экспликаторами модального значения необходимости / обязанности. Причем эти ограничения, видимо, зависели и от жанровой характеристики текста, и от его «социального статуса». Так, И. Ю. Кукса, исследуя особенности выражения значения необходимости в газетах XVIII века, отмечает, что, например, в рукописных «Вестях-Курантах» безличный глагол *надлежит* представлен достаточно редкими примерами [12: 27]; сходную картину она фиксирует и на материале других газетных текстов того же времени [11: 19]. Е. М. Шелтухина и О. А. Горбань отмечают, что в воинских грамотах Войска Донского, имеющих, как и рассматриваемый Устав, «ярко выраженный предписательный характер», императивные конструкции с *надлежит* довольно редки и в употребительности значительно проигрывают, например, конструкциям с независимым инфинитивом [19: 9–10]. При этом следует заметить, что в «Словаре русского языка XVIII века» (под ред. Ю. С. Сорокина) ожидаемые в связи с этими наблюдениями стилистические пометы отсутствуют.

НАДЛЕЖАТЬ (-ти), *жу́, жит, несов.*; **Надлеж́ащий**, *прич.* <...> **З.** *безл.* С инф. *Должно, нужно, следует.* У родителей рѣчей перебивать не надлежит. ЮЧЗ З. <...>⁵.

Рассмотрению этих и других вопросов, связанных с семантикой и функционированием в тексте Устава 1716 года глагола «надлежит», посвящена наша статья.

О ТЕКСТЕ «УСТАВА ВОИНСКАГО» 1716 ГОДА

Когда речь заходит о языке официальных (как, собственно, и других) письменных текстов XVIII века, первое, о чем приходится говорить, – в какой степени эти тексты являются собственно русскими, оригинальными, не переводными или стилизованными под переводные.

Языковая ситуация XVIII века в области документной коммуникации не совсем ясна с точки зрения степени влияния на нее западноевропейских деловых текстов [14: 43]. Очевидно другое: сочетание книжных и разговорных элементов в официально-деловой документации XVIII века, а также сохранившиеся в ней черты приказного языка предшествующих эпох⁶ не были бессмысленным нагромождением генетически разнородных языковых элементов, но свидетельствовали о последовательном процессе поиска нормы деловой коммуникации, отвечающей прагматике конкретного жанра.

«Должно было пройти много времени, прежде чем этот язык, освобожденный и от архаических норм церковнославянского, и от неопределенных по выразительности диалектных слов, (и от многочисленных заимствований. – Т. С.), предстанет в качестве известного нам теперь русского *литературного* языка» [6: 27].

По указанным причинам анализ любого документного текста XVIII века требует – хотя бы первоначальной – информации об истории его создания и мере неизбежного влияния на него иноязычных текстов того же жанра. Интересующий нас «Устав воинской», утвержденный Петром Великим 10 апреля (по новому стилю) 1716 года, по свидетельству историков права и военных историков, явился тем документом, который на долгие годы определил «порядок внутренней жизни русской армии <в условиях> регулярной организации войск» [7: 5]. Полный текст Устава 1716 года включает три части: сам «Устав воинский» (68 глав), «Артикул воинский с кратким толкованием» (209 статей); «Об экзерциции» (3 раздела). Материалом предметного рассмотрения в нашей статье является первая часть (по изданию 1755 года)⁷. Источниками «Устава», как утверждают исследователи, послужили «лучшие образцы иностранного уставного творчества:

имперские германские, шведские (в артикуле), саксонские (в процессах), французские (в экзерцициях)» [13: 165]. При этом принципиальным для нас является утверждение авторитетнейшего в XIX веке военного историка П. О. Бобровского о том, что

«ни одна из книг “Устава” не составляет буквального перевода какого-либо одного законодательного памятника европейской культуры»⁸. И далее: «Всеобъемлющий гений Петра I не мог довольствоваться буквальным переводом законов какого-либо государства, и в “Уставе воинском” явственно замечаются следы его самостоятельной работы, в большей или меньшей степени»⁹.

Об этих «следах» руки самого Петра I в рукописном тексте «Устава» и его оригинальной природе вполне определенно высказывались и советские историки. Так, П. П. Елифанов пишет:

«Нетрудно заметить при чтении рукописи, что редакционные поправки Петра во всех случаях уточняют и делают более ясными и доступными пониманию читателя статьи Артикула <...> Здесь не было механического заимствования; оно исключалось творческим характером всей преобразовательной деятельности Петра» [7: 7].

Известно, что существовал «Устав» и на немецком языке, но это был вторичный текст относительно русского, поскольку

«назначался исключительно для иноземных офицеров, служивших в русской армии в качестве наемников; а к этой службе иностранцы привлекались в течение двух столетий до Петра»¹⁰.

Итак, нам важно то, что текст «Устава», несмотря на его естественную для XVIII века ориентированность на западные образцы военного уставного творчества, был оригинальным текстом, в первой же своей редакции написанным на русском языке, причем в его создании активно участвовал сам Петр I.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЧЕТАНИЯ

«НАДЛЕЖИТ + ИНФИНИТИВ»

В «УСТАВЕ» 1716 ГОДА

Конструкции с безличным глаголом «надлежит», присутствующие в тексте Устава, строятся, как правило, по модели «надлежит + инфинитив»:

При семъ надлежитъ примѣчать, что оному, рунду паролю отъ караулу на постахъ обрѣтающагося не отдается, но долженъ самъ онымъ паролъ отдавать, куды придетъ (Книга УВ, 222);

*Такоже надлежитъ вѣдать, что передъ главнымъ рундомъ весь караулъ стоящей на посту **выступитъ**, и въ ружье стать и Оберъ-офицеръ и сержантъ тому главному, рунду **пароль отдать*** (Книга УВ, 221).

Очень редко инфинитив находится в препозиции относительно «надлежит»:

*И когда какой неправой судъ учинится, тогда оныхъ судей **судить надлежитъ*** (Книга УВ, 29);

***Въдати же надлежитъ**, что пароль принимаетъ только главный съ вечеру, и утренній рундъ* (Книга УВ, 219);

***Смотрѣть надлежитъ**, чтобъ въ началѣ сильный корпусъ или половина кавалеріи на передъ въѣзъ дороги и насы осмотрѣли* (Книга УВ, 151).

Велика доля контекстов, где «надлежит» используется с отрицательной частицей *не*: в таких случаях императивность как основная прагматическая стратегия уставного жанра значительно усиливается, запретительная семантика интенсифицирует модальное поле обязательности:

*При таковыхъ проходахъ обыкновенно для багажу подставы требуются, того ради **не надлежитъ** тотъ часть на оное **позволить*** (Книга УВ, 118);

*На квартирахъ стоящихъ солдатъ **сбирать не надлежитъ** но только къ единой о 9 часть бываемой молитвы* (Книга УВ, 217);

*Также и караулъ другъ отъ друга далье **ставить не надлежитъ*** (Книга УВ, 208).

Примечательно, что в качестве компонента «инфинитив» в конструкции может выступать устойчивое словосочетание, близкое к понятию «профессиональный фразеологизм» [8: 183]:

*Ежели же что важное, то на писмѣ а не на словахъ **указы давать надлежитъ**, равно же и рапорты о таковыхъ дѣлахъ на писмѣхъ принимать, како кавалеріи тако и инфантеріи и артилеріи* (Книга УВ, 25);

*Когда рундъ или кто изъ Офицеровъ часового на его посту спящаго найдетъ, то **надлежитъ** [немедленно] его **перемѣнить и за арестъ взять*** (Книга УВ, 209);

*А для лучшаго порядку **не надлежитъ** прежде съ **караулу сойти**, пока въ часовые смѣнены будутъ* (Книга УВ, 186).

Можно предположить, что выражения типа *указы давать, за арестъ взять, с караулу сойти, зборъ бить, учреждать походы, голоса давать, с тылу стать* и под. были известны в русской военной среде еще до создания Устава 1716 года и, вполне вероятно, имели устноречевое происхождение. В тексте официального документа в таком случае они несут безусловно прагматическую нагрузку – «создание более ясного и доступного пониманию читателя» текста [7: 40]. Вхождение этих «простых», «простонародных» [10: 25] выражений в состав устойчивой формулы официального правового документа несомненно повышает их речевой статус и как бы «консервирует» исходную устноречевую природу: *злую дорогу вычистить, роспрос учинить, побудок бить, с караулу сойти, за арестъ взять, назад уступать*. Помимо профессиональных фразеологизмов, в состав императивной формулы с безличным глаголом «надлежит» включа-

ются и общеязыковые, литературные устойчивые выражения, что добавляет в текст Устава некой «художественности», образности, чуждой современному деловому тексту: *(надлежитъ) **со славою командовать**; (надлежитъ) командующему Генералу въ добромъ послушаніи быть; (не надлежитъ) **безчестное житіе купить*** и под.

В тексте Устава применяются (или только формируются?) канцелярские речевые клише, например, с часто используемым в таких случаях глаголом «иметь» (возможно, под влиянием немецких деловых клише типа «eine Meinung haben» – «иметь свое мнение»): *(надлежитъ) **извѣстіе имѣть**, (надлежитъ) **имѣть попеченіе**, (надлежитъ) **оное въ памяти имѣть**, (надлежитъ) **надзираніе имѣть*** и под.

Значение обязательности при использовании рассматриваемой формулы усиливается с помощью ряда лексических интенсификаторов; наиболее отчетливо в этой функции выступают наречия, чаще других – *отнюдь* в значении «совсем, вовсе, никоим образом (употребляется с отрицанием не)»¹¹:

*Когда кто инкогнито **проѣхатъ**, и себя объявить не похочетъ, хотя во время войны или миру, онаго **не надлежитъ отнюдь пропускать*** (Книга УВ, 202);

*<...> Ружье **надлежитъ**, сколь долго оный на часахъ будетъ, **отнюдь** изъ рукъ **не упускать*** (Книга УВ, 206);

*Также **отнюдь не надлежитъ**, чтобъ часовые стоя на своихъ постахъ табакъ курили* (Книга УВ, 206);

*<...> Ежели безграмотные, кто всѣхъ выучить не можетъ, то хотя одно Отче нашъ, что **конечно надлежитъ умѣть*** (Книга УВ, 217);

*Тогда **надлежитъ** оныя ключи съ Сержантомъ и съ четырьмя солдатами, Преміеръ или Секундъ Маіору обрѣтающемуся на главномъ караулѣ **наки вручить*** (Книга УВ, 189).

Примечательно расширение конструкции «надлежит + инфинитив», во-первых, за счет подбора синонимов к семантически нагруженному глаголу-инфинитиву, во-вторых, с помощью употребления цепочки однородных глаголов-инфинитивов при одном модификаторе «надлежит» и, в-третьих, за счет включения в формулу слов различных грамматических категорий, служащих для разъяснения, уточнения, подчеркивания важности основного действия, которое необходимо исполнить. Опосредованно, но и эти лексические средства становятся интенсификаторами императивной функции текста:

*Таковымъ людямъ **надлежитъ прилѣжно всего подробно спрашивать, учиться, и примѣчать**, что примѣчанію достойнаго во время кампаніи случилось* (Книга УВ, 4–5);

*Ему **надлежитъ** жалобы ихъ и доношенія добровольно **слушать**, добрыя ихъ дѣла **похвалять**, и за оныя*

воздавать, за худыя же накрѣпко и со усердіемъ наказывать, чтобъ онъ всякому возлюбленъ и страшенъ былъ (Книга УВ, 25);

Того ради всякому командиру надлежитъ сіе не престанно въ памяти имѣть, и отъ онаго блюстися, ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть, или безчестное житіе купить (Книга УВ, 30);

Надлежитъ ему напередъ по прилѣжному разсужденію всѣхъ обстоятельствъ учиненнаго преступленія <...> правомѣрной приговоръ учинить (Книга УВ, 68) и др.

При этом важно отметить, что не в каждой статье Устава присутствует лексическое выражение субъекта императивного действия, хотя он (субъект) всегда имеется в виду. Устройство этого текста таково, что глава начинается с указания на то должностное лицо, к которому обращены императивы-сентенции, перечисленные в ней, например: *Глава четвертаянадесять. О ГЕНЕРАЛѢ отъ инфантеріи*. В таких случаях субъект (имя лица в дат. п.) исполнения содержащихся в этой главе предписаний, будучи обозначен «заглавно», «постатейно» может и не указываться. Чаще всего бессубъектные формулы «надлежит + инфинитив» употребляются в сложноподчиненных предложениях:

При семъ надлежитъ примѣчать, что оному, рунду паролу отъ караулу на постахъ обрѣтающагося не отдается (Книга УВ, 222);

И ежели кто въ другой рядъ главнымъ рундомъ себя объявитъ, то его надлежитъ по правамъ за арестъ взять, и въ гауптвахту отдать (Книга УВ, 225).

О ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СЕМАНТИКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ БЕЗЛИЧНОГО ГЛАГОЛА «НАДЛЕЖИТ»

Вопрос о семантической «нелепости» (по словам М. В. Ломоносова [5: 345]) слова «надлежит» и, как следствие, различных трактовках его «семантической истории» оказывается наиболее интересным. Словообразовательный анализ как будто не дает отчетливых свидетельств о мотивировке приставочного образования от глагола «лежать» с помощью *над-*, приведшей безличную форму этого глагола к значению «необходимо, надобно, должно»¹². Уже отмечалось, что большинство ученых, вслед за В. В. Виноградовым, усматривают в нем кальку с немецкого – либо через польское, либо через украинско-белорусское языковое посредство [18], [20]. Некоторые полагают, что это калька с греческого или латинского языка, но старославянского происхождения [1: 116]. Так, Л. В. Табаченко замечает:

«Большинство зафиксированных в памятниках письменности позиционных глаголов с пространственными приставками – книжно-славянского происхождения: это генетически старославянские глаголы или созданные по их образцу» [16: 18].

Если это калька, очевидно и другое: отрицать неизбежного влияния семантики исконно русского статального глагола «лежать» и пространственной приставки *над-* на процесс семантической адаптации кальки и дальнейшего ее вхождения в лексическую систему русского языка вряд ли возможно. Неслучайно появляются противоположные общепринятому мнению суждения о том, что «превращение» личного глагола «надлежать» («находиться сверху») в безличный «надлежит» («необходимо») могло быть естественным внутриязыковым семантическим процессом без всякого влияния извне:

«Образ пространственного расположения над чем-либо в этом случае послужил основой формирования модального значения требования, долженствования: 1) «наступать»; 2) «насилъствовать, притеснять»; 3) «быть над кем, угрожать»» [17: 149].

Такие предположения отчасти подкрепляются и тем, что семантика «нависания», метафорически преобразованная в значение «угрозы», отмечается и для древнерусского языка, что зафиксировано в том же словаре Срезневского отдельной строкой:

Надълежати <...> – угрожать: – Толицѣмъ напастьмъ надълежаштамъ. Изб. 1073 г. (В.)¹³.

Подобное метафорическое преобразование пространственных значений в иные, качественно-кваликативные в том числе, – естественный процесс в истории русских приставочных глаголов:

«История позиционных глаголов с пространственными приставками <...> – это в основном история развития ими переносных абстрактных значений, связанных с прямым пространственным, и история их сочетаемости» [15: 101].

Иными словами, пространственная семантика приставочного «надлежать» позволяла естественному (даже типичному) приобретению этим глаголом абстрактного значения, в данном случае – угрозы и долженствования. «Идея верха преобразуется в идею высокого и низкого статусов» [9: 92].

Метонимические «мены» в истории развития лексических значений многих слов – явление не редкое. Глагол «надлежать», в исходном значении «находиться над чем-л.», в историческом развитии мог сместить семантические акценты со способа действия на цель действия: наиболее отчетливо это смещение фиксирует В. И. Даль: **НАДЛЕЖАТЬ**, безлч. Быть надобно, быть должну, нужну, следовать¹⁴ – от пассивного нахождения над чем-л. к главенствованию, долженствованию. Следовательно, даже в том случае, если безличный «надлежит» со значением

‘должно, необходимо’ – генетическая калька, появление ее в языке регламентирующего документа XVIII века не может быть расценено как совершенно не свойственное семантико-словообразовательной системе русского языка. Известно, что не всякая калька (как любое лексическое заимствование) приживается в принимающем языке, многие из вполне удачных и, как кажется, необходимых для языка калек исчезают почти бесследно, отмечаясь в ограниченном количестве текстов, причем часто – отдельной жанрово-функциональной группы. Таков, например, «повинен» в том же значении ‘обязан, должен’ в истории русского языка и деловой письменности того же XVIII века [20: 27]. Иными словами, возможно и вполне допустимо двойное толкование семантической истории безличного «надлежит» – как полностью адаптированной кальки с немецкого языка, с одной стороны, и естественного для словообразовательной системы русского языка процесса семантического переосмысления исходно пространственного значения в пользу абстрактного, с другой стороны. Это могли быть обусловленные друг другом («встречные») семантические процессы. Возможно, это тот самый случай, когда следует говорить о так называемых ресурсных возможностях языковой системы, позволяющей ей на данном историческом этапе (в случае необходимости) «извлекать их» и «реализовывать максимальное количество своих возможностей» [2: 9]. С этой точки зрения следует допустить, что любая калька, если она не отторгается системой принимающего языка, является для этого языка фактом «реализованного ресурса», поскольку использует имеющиеся в нем (языке), онтологически присущие только ему единицы (в нашем случае – морфемы) и системные возможности.

О системном характере развития модального значения «необходимости / обязательности / долженствования» в русском языке XVIII века, что отражено в том числе в языке анализируемого устава, может служить тот факт, что та же идея долженствования присутствует в другом приставочном образовании от той же основы – «под-лежит», по мнению ряда ученых, также являющегося калькой. Однако ожидаемые системные связи, мотивированные антонимической парой пространственных приставок *под-* и *над-*, не оправдываются, что, с одной стороны, воспринимается как системная «дефектность» калькированных форм [16: 18], с другой – как проявление «разрушающейся системы» [9: 93]. И все же идея вполне допустимого и даже весьма типич-

ного для семантической палитры словообразовательных аффиксов русского языка алогизма, может быть доказана довольно оригинально:

«В связи с глаголом *надлежать* нельзя не сказать и о глаголе *подлежать*, в котором выделяется приставка *под-*, системно антонимичная приставке *над-*. Понятия “верх – низ” являются конверсивами. Глагол *подлежать* также выражает модальное значение долженствования, однако он, таким образом, представляет собой не столько конверсив к глаголу *надлежать*, сколько его синоним» [17: 149].

ср. подобные случаи: *надѣсть* – *подѣсть*, *надрубить* – *подрубить*, *надрезать* – *подрезать* (в значении ‘немного’).

При этом следует иметь в виду и то, что глагол «подлежать» – не безличный, чаще всего он выступает в составе устойчивого глагольно-именного сочетания в форме 3 л. ед. или множ. ч. Причем именная часть сочетания, как правило, выражена отглагольным существительным: *подлежит уничтожению*, *(не)распространению*, *расселению* и под. Однако исходная пространственная семантика словообразующих приставок (*под-* и *над-*) не может не отразиться как на сочетаемостных возможностях двух однокорневых слов, так и на грамматических способах выражения ими значения обязательности / долженствования. Употребление сочетания с «подлежит» в тексте Устава 1716 года представлено единичными контекстами.

«Надлежит» имеет непосредственную связь с субъектом действия, чаще всего человеком; синтаксически субъект действия в этих случаях выражен именем в дат. п. «надлежит кому-л.»:

Вышереченному патрулю во время опасное вѣтъ города не надлежитъ далеко ѣздить (Книга УВ, 232).

«Подлежит» – несмотря на вхождение в состав глагольно-именного сочетания «подлежит + дат. п. имени» – имеет с субъектом действия весьма слабую связь; в этих случаях синтаксическое подлежащее является объектом действия со стороны лица (субъекта действия), которое не называется, но которому адресована данная императивная сентенция:

Такомуъ штрафѹ подлежитъ Фискаль, ежели вѣдая чѣе преступленіе а не донесетъ, въ чѣмъ оправдаться никакими причинами не можетъ (Книга УВ, 105).

Неслучайно, видимо, у слова «подлежать» в МАС в качестве устаревшего значения фиксируется следующее:

ПОДЛЕЖАТЬ, -жѹ, -жѣшь; несов., чему. 1. Устар. Быть в ведении кого-, чего-л., в подчинении у кого-, чего-л. <...>¹⁵.

Иными словами, мотивированное приставкой *под-* значение подчиненности, иерархической зависимости становится важнейшим семантическим поводом возникновения у этого глагола значения 'постоянно подвергаться чему-л. насильственному со стороны кого-л.'. Поэтому, видимо, указание на субъект действия в таких случаях вовсе не обязательно.

В случае же со словом «надлежит», по причине его противоположной «иерархической семантики», мотивированной приставкой *над-*, указание на субъект необходимо, поскольку 'нахождение над, главенство, на-висание' требует обозначения субъекта императивного действия. В тексте рассматриваемого Устава такая семантическая зависимость просматривается весьма отчетливо:

Чего для не надлежит тѣмъ часовымъ о лозунгѣ спрашивать (Книга УВ, 230).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способность модификатора «надлежит» выражать синкретичное значение необходимости / долженствования / обязательности, его «книжное происхождение» и обширная лексическая сочетаемость делают его незаменимым в тексте «Устава воинского», соединившего в себе и риторические (художественные) черты, и черты официального правового документа XVIII века с его стремлением к строгости речевых выражений.

Следует отметить, что модальное микрополе необходимости / обязательности, создающее императивную (приказную) пропозицию уставного текста, создается, конечно, не только с помощью лексических модификаторов, но их роль в создании текста предписывающего характера, ритмически организованного и стандартно оформленного, более чем существенна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 20.08.2020).
- ² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб.: Изд-во отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893. Т. II. С. 281.
- ³ Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Рост н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. С. 26.
- ⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 377.
- ⁵ Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. / Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (дата обращения 20.08.2020).
- ⁶ Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 10.
- ⁷ Книга Устав Воинской: О должности Генераловъ, Фельдмаршаловъ, и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежитъ быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и тенденціяхъ, что каждому чинить должно. СПб.: Имп. АН, 1755. 260 с. (далее в тексте статьи – Книга УВ).
- ⁸ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: Историко-юридическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. С. III.
- ⁹ Там же. С. V.
- ¹⁰ Там же. С. II.
- ¹¹ Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. ...
- ¹² Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб.: Имп. АН, 1789–1794. Т. III. С. 1165.
- ¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам... Т. II. С. 281.
- ¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2003. Т. II. С. 402.
- ¹⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 288 с.
2. Богуславский А. Глагольная префиксация в современном русском языке // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 7–36.
3. Боровский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М.: Наука, 1968. 300 с.
4. Ваулина С. С. Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2012. Вып. 8. С. 12–17.
5. Виноградов В. В. История слов. М.: Изд-во РАН, 1999. 1138 с.
6. Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность русского общества XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 318 с.

7. Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, 1946. С. 5–45.
8. Игнатенко О. П., Фатеева Ю. Г. Профессиональные фразеологизмы в практическом курсе русского языка как иностранного (на материале языка медицины) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 181–188.
9. Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки *над-* // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 85–94.
10. Круглов В. М. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.
11. Кукса И. Ю. Функциональная специфика модальных конструкций «лексический модификатор + зависимый инфинитив» в текстах первых российских газет // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2011. Вып. 8. С. 14–20.
12. Кукса И. Ю. Модальная специфика русской рукописной газеты «Вести-Куранты» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–29.
13. Мартынов В. Ф. Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I // Власть. 2012. № 12. С. 163–166.
14. Руднев Д. В., Садова Т. С. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
15. Табаченко Л. В. Позиционные глаголы с приставкой *в-* в памятниках письменности русского языка XI–XVII вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (39). С. 101–104.
16. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник Московского государственного университета. 2010. № 1. С. 7–33.
17. Тимошенко Е. И. О функции приставки в словах с модальной семантикой // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2013. № 1. С. 147–151.
18. Трофимова А. В., Косова В. А. Русские префиксальные глаголы с позиционным значением как средство вербализации пространственного мышления // Ученые записки Казанского университета. 2017. Т. 159. Кн. 5. С. 1231–1243.
19. Шелтухина Е. М., Горбань О. А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 7–17.
20. Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках: Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния // Harrassowitz Verlag; Austrian Academy of Sciences Press. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1997. Vol. 43. P. 17–31.

Поступила в редакцию 26.08.2020; принята к публикации 19.02.2021

Original article

Tatyana S. Sadova, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6232-3433; tatsad_90@mail.ru

THE WORD “NADLEZHIT” AS PART OF THE IMPERATIVE FORMULA IN THE MILITARY CHARTER OF 1716

Abstract. The article summarizes scientific information about the history, internal motivation and collocation possibilities of the impersonal verb “nadlezhit” (*must*) in the Russian language in general and in the official texts of the XVIII century in particular. It is noted that the communication strategy of the charter as a genre involves the active use of stable combinations with imperative semantics, therefore, the author investigates the formula “nadlezhit + infinitive” as one of the most frequent ways of expressing the modal meaning of necessity or obligation in official military texts of the XVIII century using the Military Charter of 1716. The bookish character of the word “nadlezhit”, recorded in many dictionaries of the Russian language, does not have any stylistic markers in the text of the Charter, which ensures its relatively free compatibility with other infinitive verbs within the studied formula. The article also addresses the adaptation of a lexical calque in the Russian text and traces the process of accumulating the volume of the concept expressed by the calque under the influence of the semantics of the original Russian morphemes (in our case, the root *-lezh-* and the prefix *nad-*), which became the “building material” for its creation in the host language. It is suggested that the impersonal verb “nadlezhit” with the meaning ‘must’ could be the result of transforming spatial meaning into the meaning of the qualitative assessment of an action, quite natural for Russian prefixed verbs. The author also allows the possibility of “oncoming” semantic processes – the adaptation of the lexical calque in the Russian official text and the development of qualitative semantics in spatial verbs.

Key words: official style history, 18th century language, imperative formula, modal verb, lexical calque, text of military regulations

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00338).

For citation: Sadova, T. S. The word “nadlezhit” as part of the imperative formula in the Military Charter of 1716. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595

REFERENCES

1. Avilova, N. S. Verb type and semantics of the verb word. Moscow, 1976. 288 p. (In Russ.)
2. Boguslavskiy, A. Verb prefixation in modern Russian. *Moscow Journal of Linguistics*. 2001;5(1):7–36. (In Russ.)
3. Borkovskiy, V. I. Comparative historical syntax of East Slavic languages: Types of simple sentences. Moscow, 1968. 300 p. (In Russ.)
4. Vaulina, S. S. Modal microfield of necessity in the official documents of the Russian and Polish languages. *IKBFU's Vestnik. Series: philology, pedagogy, and psychology*. 2012;8:12–17. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. History of words. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.)
6. Demidov, D. G., Kalinovskaya, V. N., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A. Language and mentality of Russian society in the XVIII century. St. Petersburg, 2013. 318 p. (In Russ.)
7. Epifanov, P. P. Military regulations of Peter the Great. *Military regulations of Peter the Great*. (N. L. Rubinstein, Ed.). Moscow, 1946. P. 5–45. (In Russ.)
8. Ignatenko, O. P., Fateeva, Yu. G. Professional idioms in a practical course of Russian language for foreigners (based on the language of medicine). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 2017;16(4):181–188. (In Russ.)
9. Krongauz, M. A. Experience of semantic description of the prefix *nad-*. *Moscow Journal of Linguistics*. 2001; 5(1):85–94. (In Russ.)
10. Kruglov, V. M. Normative and stylistic marks in the explanatory academic dictionaries of the Russian language. St. Petersburg, 2015. 442 p. (In Russ.)
11. Kuksa, I. Yu. Functional specificity of modal constructions “lexical modifier + dependent infinitive” in the texts of the first Russian newspapers. *IKBFU's Vestnik. Series: philology, pedagogy, and psychology*. 2011;8:14–20. (In Russ.)
12. Kuksa, I. Yu. Modal specificity of the Russian handwritten newspaper “Vesti-Curanti”. *Izvestia of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*. 2011;11(4):23–29. (In Russ.)
13. Martynov, V. F. Development of military disciplinary legislation during the reign of Peter the Great. *The Authority*. 2012;12:163–166. (In Russ.)
14. Rudnev, D. V., Sadova, T. S. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
15. Tabachenko, L. V. Positional verbs with the prefix *v-* in the written monuments of the Russian language between the XI and the XVII centuries. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;5(39):101–104. (In Russ.)
16. Tabachenko, L. V. Prefixed positional verbs in the history of the Russian language. *MSU Vestnik*. 2010;1:7–33. (In Russ.)
17. Timoshenko, E. I. The function of a prefix in words with modal semantics. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2013;1:147–151. (In Russ.)
18. Trofimova, A. V., Kosova, V. A. Russian prefixal posture verbs as a means of spatial thinking verbalization. *Proceedings of Kazan University*. 2017;159(5):1231–1243. (In Russ.)
19. Sheltukhina, E. M., Gorban, O. A. Don cossack army charters of the mid 18th century via the category of modality. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015;5(29):7–17. (In Russ.)
20. Besters-Dilger, J. Modality in Polish and Russian: Historical development of the expression of necessity and possibility as a result of extra- and inter-Slavic influence. *Harrassowitz Verlag; Austrian Academy of Sciences Press. Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1997;43:17–31. (In Russ.)

Received: 26 August, 2020; accepted: 19 February, 2021